

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	3	Глава 25	269
Глава 2	14	Глава 26	280
Глава 3	27	Глава 27	292
Глава 4	35	Глава 28	303
Глава 5	42	Глава 29	314
Глава 6	52	Глава 30	324
Глава 7	64	Глава 31	336
Глава 8	72	Глава 32	348
Глава 9	80	Глава 33	358
Глава 10	93	Глава 34	370
Глава 11	107	Глава 35	382
Глава 12	121	Глава 36	394
Глава 13	134	Глава 37	406
Глава 14	150	Глава 38	420
Глава 15	162	Глава 39	435
Глава 16	174	Глава 40	451
Глава 17	186	Глава 41	464
Глава 18	198	Глава 42	477
Глава 19	210	Глава 43	488
Глава 20	220	Глава 44	497
Глава 21	231	Глава 45	508
Глава 22	239	Глава 46	519
Глава 23	253	Эпилог	532
Глава 24	261		

*Если собираетесь кого-нибудь полюбить,
научитесь сначала прощать.*

Вампилов

ГЛАВА 1

В принципе, я люблю дачу и люблю жить там с мамой каждый июль, что после её переезда от нас уже вошло в традицию. Однако в этом году о том, чтобы свалить поскорее из Москвы, я мечтала особенно сильно. Только дело было не в усталости после ЕГЭ, как полагал папа, а в том, что, сама того не желая, я случайно втянулась в одну неприятную историю, из-за которой в последний месяц боялась выйти из квартиры.

Так-то я особо не из пугливых, но тут реально стоило исчезнуть из города хотя бы до августа, а ещё лучше — до самой осени.

Дача у нас обыкновенная, не элитная в супер-пупер ВИП-посёлке и не винтажно-богемная, хотя мама сейчас и такое могла себе позволить, а скромный щитовой домик на шести сотках в СНТ «Салют-5», доставшийся ей от дедушкиного брата Николая.

Когда она работала школьным психологом и отпуск у неё длился долго, мы проводили на даче почти всё лето: играли, гуляли, катались на великах, занимались садовым дизайном, купались, читали книжки и пересмотрели кучу детских фильмов. То было отличное время. Папа приезжал к нам на выходные и привозил подарки — забавные простенькие мелочи типа соломенных шляпок, садовых гномов, уличных гирлянд на солнечной батарее или верёвочных качелей. Папа нас всегда баловал. И меня, и маму. Покупал фрукты, сладости, мясо для шашлыка и обязательно арбуз. В жар-

кие дни мы все вместе отправлялись на водохранилище с благоустроенным пляжем и рыбалкой, а в прохладные — топили камин и играли в настолки. Тогда родители были весёлые и радовались вместе со мной.

Подозреваю, что, приезжая на дачу, мама, как и я, с удовольствием окунается в воспоминания о том счастливом периоде нашего совместного прошлого.

— Как же тут всё заросло! — ахнула она, когда наша машина въехала на территорию дачного посёлка.

Мама каждый год так говорит в день приезда. Хотя на самом деле ничего не меняется.

— Ты посмотри, терновник у Лосевых совсем на дорогу вылез, а эти кусты сирени? Ну откуда они взялись? Раньше их не было.

— Они всю жизнь тут, — рассмеялась я. — В прошлый раз ты собиралась сказать председателю, чтобы подрезали ветки.

— А, да? Точно. Не помнишь, я ему об этом сказала? — Она широко улыбнулась.

— Конечно нет.

Мама у меня красивая. У неё блестящие, ниспадающие вьющимися локонами каштановые волосы, широкая белозубая улыбка, аккуратный чуть вздёрнутый нос и большие распахнутые тёмно-карие глаза. Она стройная, модная и яркая. Ей уже сорок, но, если мы выходим куда-то вместе, все мужчины обращают внимание сначала на неё.

Мы с ней мало похожи, только немного формой лица и кончиком носа. А так все остальные гены во мне папины. Вся его родня — широколицые блондины с крестьянской родословной. Папа рассказывал, что раньше даже деревня была такая — Протасовка, по названию реки, на которой она стояла, где у всех жителей была одна общая фамилия: Протасовы.

В этой деревне меня легко приняли бы за свою. Две белые косы на плечах, цвет лица, как говорит папа, «кровь с молоком» и брови вразлёт. «Не хватает только кокошника и сарафана», — а это уже мамина шутка. Но лично меня всё устраивает. Мама заплела мне косички в первом классе на первое сентября, и, увидев себя в зеркале, я сразу поняла, что вот она — настоящая я.

На нашей улице кусты разрослись не меньше, но мамино внимание привлек новый строящийся дом, огромный и бревенчатый.

— Только не говори, что это тоже было.

— Этого не было.

— Не понимаю, — она пожала плечами. — Зачем вбухивать деньги в такой большой и дорогуший дом в этом занюханном посёлке, где и охраны толком нет?

— Земля здесь стоит дешевле, чем в понтовых местах. Плюс у нас хорошее расположение: станция, дороги, магазин. Вдруг кто-то хочет жить круглый год за городом в красоте и с удобствами? Как ты.

Мама закатила глаза:

— Неудачное сравнение.

— Да? Ну ладно.

Мы остановились перед глухим деревянным забором нашего участка. Сейчас он целиком был увит диким виноградом, но по осени, когда листва опадала, его линиялы серо-коричневые доски производили угнетающее впечатление. Каждый год мама грозилась его покрасить, но для этого необходимо было дать задание местным наёмным работникам весной, а это совсем не то время, когда она вспоминает о даче.

Нехотя вывалившись из прохладной машины в удрушающую жару июльского дня, я размяла ноги и встави-

ла ключ в замочную скважину калитки. Из-под неё су-етливо юркнула ящерица.

Замок открылся легко. Что неудивительно: тут уже побывали те самые работники, которых мама нанимает перед нашим приездом привести участок в порядок: ско-сить траву, обрезать сухие ветки и проверить исправ-ность водопроводных труб.

Ловко вписавшись на своей бордовой «тойоте» в не особенно широкий проём ворот, мама заглушила мотор и щёлкнула затвором багажника.

Из вещей у меня спортивная сумка с одеждой и рюкзак с ноутом, тогда как у мамы куча барахла: два чемодана с одеждой, большая профессиональная каме-ра, кольцевая лампа на штативе, две палки для селфи, коробка книг, пузатый тёмно-синий тюк, пакет с бума-гами и два чёрных кожаных чемоданчика. Один с ноут-буком и прочими гаджетами, другой с косметикой.

Так что пришлось таскать всё это на второй этаж в комнату, которую мама называет студией, потому что она большая, в ней хорошее освещение и всё об-устроено для её работы. Письменный стол, книж-ные стеллажи, диваны, широкий балкон, выходящий в сад, и даже гардеробная. Раньше это была родитель-ская спальня. Однако в первое же лето без папы мама решила сделать себе спальню в моей комнате, а меня переселить на чердак, обустроив там «классную бер-логу».

Тогда мне было тринадцать, и я поклялась, что за весь месяц не скажу ей ни слова, а потому появление берлоги стало идеальным поводом, идеальным вариан-том, чтобы вообще её не видеть.

Только, пока мы делали ремонт на чердаке, злость и обида заметно улеглись, уступив место надежде, что всё ещё может наладиться.

Процесс создания моей берлоги, которая по итогу превратилась в лавандовую комнату девочки-подростка с лампочками, подушечками, бессмысленными картинками на стенах, в тот июль стал её основным контентом и набрал кучу просмотров и лайков. Мама обзавелась подписчиками из сферы дизайна и даже заключила контракт на рекламу ароматических диффузоров для дома.

Однако, вернувшись в это лавандовое царство на следующий год, я снимала картинки со стен, избавилась от подушечек и, в порыве подросткового бунта, порезала покрывало.

Сейчас всё это вспоминалось как нечто далёкое, детское и очень глупое. С тех пор я достаточно повзрослела, чтобы понимать, что выразить себя можно не разрушая.

В доме стоял запах сырого дерева и тёплой пыли.

Всякий раз, закрывая сезон, мама завешивала мебель и предметы интерьера простынями. Мне казалось это лишним — мы же не на сто лет уезжаем, — но зато срывать эти простыни я обожала.

Сдёрнув их одну за другой, я распахнула окна. В комнату ворвался горячий воздух и запах скошенной травы.

Я никогда ещё так не радовалась своему приезду на дачу и приготовилась насладиться её сонным летним покоем в полной мере.

— Следов мышей нет? — крикнула мама снизу, затаскивая последний чемодан.

— Нет.

— Ну слава богу. А то я помню, как в позапрошлом году они скреблись в стенах.

— Не напоминай, — я поёжилась. — Кухню открывать?

— Конечно! Если я немедленно не выпью чёрный кофе, то свалюсь от упадка сил. Но, если хочешь, можешь сначала переодеться.

— Не. Это потом.

Кухня у нас находилась в отдельно стоящем здании — маленьком одноэтажном домике с большой верандой. Мама не выносила запаха еды в доме и волновалась о пожарной безопасности.

Быстро отперев кухню, я окунулась в её тёмную прохладу и сразу достала телефон. Окна здесь закрывались на зиму ставнями, и потому первым делом ощущался запах сырости и сушёного укропа, который мама подвесила под потолок три года назад, но которым с тех пор нам ни разу не пришлось воспользоваться для готовки.

— Пап, привет! Мы приехали. Всё хорошо, — при маме звонить ему не хотелось.

Папа частенько бросал колкости в её адрес, а когда она присутствовала при разговоре, я не знала, как реагировать.

— Молодцы, — сухо отозвался он.

Папа не любил, когда я уезжала с мамой. Он как будто ревновал, но ни за что в этом не признался бы.

— И как там? Дом на месте? — поинтересовался он после короткой паузы.

— Как не уезжали. Даже мышей нет.

— Жаль, — он усмехнулся. — Она их любит.

Папа всегда называл маму «она», словно, произнеси он её имя или, что ещё хуже, слово «мама», это означает прощение. А прощать её он не собирался.

— Ты мне пиши, — сказала я. — И фотки присылай. Как ты там и что делаешь.

— Угу, — буркнул он.

— Пап, — я многозначительно помолчала. — Не грузись по фигне, пожалуйста.

Он снова усмехнулся, но теперь по-доброму:

— Ладно. Ты тоже фотки присылай. Но только свои. Она мне неинтересна.

— Варя! Варя, выйди, пожалуйста, — раздался с улицы громкий мамин оклик, и я быстро попрощалась с ним.

Мама стояла возле калитки и разговаривала с кем-то за ней, а заметив меня, помахала рукой. Значит, это ко мне. И, пока я шла до забора, гадала, кто бы это мог быть.

Оказалось, Оля с Сабиной. Девчонки из местной компании. Я с ними когда-то общалась, просто потому, что гуляли все вместе, но потом перестала. По тем же причинам, что и с остальными ребятами.

— У нас ничего не разобрано, так что пока не можем вас пригласить, — говорила им мама, ослепительно улыбаясь, а они зачарованно смотрели на неё.

Мама своего рода «звезда», и среди тех, кто интересуется сетевой жизнью, она довольно известная личность: популярный психолог и по совместительству лайвстайл-блогер.

Ещё немного, и я могла подумать, что девчонки пришли просто поглазеть на неё.

— Вам чего? — одёрнула я их не то чтобы грубо, но по-деловому, поскольку выдержка никогда не была моей сильной стороной.

— Приве-е-е-ет! — Будто очнувшись, Оля бросилась обниматься.

Сабина — за ней.

От них пахло жвачкой и табаком.

Мама деликатно оставила нас.

— Классные штаны! — тут же одобрила Оля мои широченные голубые джинсы, висящие на бёдрах.

— И топ прикольный, — подхватила Сабина, хотя это была совершенно обычная белая футболка. — Тебе повезло, конечно.

— В смысле?

— Ну... В том смысле, что можно не париться, подбирая луки.

На самой Сабине был песочного цвета сарафан на пуговицах, а на Оле — парусиновые шорты и футболка оверсайз. Кожа у Сабины смуглая от природы, а Олины ноги и руки едва покрыты лёгким слоем загара.

Оля не особенно симпатичная. У неё маленькие прищуренные глаза и пушащиеся от многочисленных окрашиваний золотисто-белые волосы, а черты лица заострённые, мелкие, как у хитрой, задумавшей недобрую проделку мышки. Однако более самоуверенного человека я не встречала, и эта её непоколебимая уверенность в себе удивительным образом внушалась окружающим.

Многие из дачных ребят искренне считали Олю красивой. Она бойкая, языкая и смелая, а такое всегда подкупает.

Сабина молчаливая и спокойная. Глаза у неё тёмно-карие, глубокие и оценивающие. Под её взглядом чувствуешь себя неуютно, как во время ответа на уроке. Но на самом деле она довольно мягкая и во всём подстраивается под Олю.

Они обе старше меня на год. Сабина закончила первый курс технологического университета, а Оля — третий кулинарного колледжа.

— Сабина имеет в виду, что с такой мамой, как у тебя, сложно не выглядеть клёво, — пояснила Оля, делано растягивая губы в улыбке.

— Маме штаны не понравились, — отрезала я, чтобы они немного умили пыл.

— Здорово, что вы наконец приехали, — тут же сменила тему Оля. — Мы тебя очень ждали.

— Да? А что такое? — Я насторожилась.

С чего бы им ждать меня «очень»? Ну то есть, если бы Оля сказала: «Мы тебя ждали», я бы ответила, что тоже рада их видеть, а потом спросила, как у них дела и какие тут новости. Но коварное слово «очень» выдало её с потрохами.

— М-м-м, — Оля замялась, поглядывая на Сабину, та загадочно улыбнулась. — Ну как бы... с тобой веселее. Что там с твоим универом? Ты поступила?

— Жду результаты, — я прямо посмотрела на Олю из-под козырька бейсболки. — Так что у вас за дела? Рассказывай. Это касается моей мамы?

— Не-а, — Олины глазки превратились в щёлочки. — Твоей мамы точно не касается. Лучше скажи, когда ты сможешь позвать нас в гости. Вечером получится?

А вот это вообще странно. Я не помнила, чтобы хоть раз приглашала их к себе.

— Всё зависит от того, что вы хотите.

Мы хоть и стояли в тени забора, но жара всё равно давала о себе знать. Дышалось тяжело, подмышки взмокли.

— Твой сосед, — многозначительно произнесла Оля. — Он здесь.

— И что? Он вроде часто приезжает, — я сразу поняла, о ком речь. — Что в этом такого?

— Блин, Варь, ты что, наш чат не читаешь?

— Ну так. Не всегда, — ответила я уклончиво, хотя, по правде говоря, не читала совсем.

— У него проблемы с универом и... — принялась объяснять Сабина, однако Оля её перебила:

— Могут отчислить. Тётя Люба, мама его, в панике. Сказала, что если в конце августа он этот экзамен не пересдаст, то отправится в армию.

— Напомни, где он учился?

— В автодорожном вроде, — поторопилась встать Сабина. — Первый курс закончил. После первого многие вылетают.

— В общем, родители его тут заперли, — продолжила Оля. — Гулять не разрешают и к нему тоже никого не пускают.

— А я тут при чём?

— Как при чём? — Оля посмотрела с укором, словно я нарочно туплю. — У вас же вроде сетка между участками.

— И?

Она говорила загадками.

— Ну как... — Сабина понизила голос: — У них же с Олей любовь.

— Скажешь тоже, — Оля довольно прыснула и пихнула Сабину под локоть. — Короче, Варь, можно мы к тебе придём типа в гости? Вдруг получится увидеть его?

Теперь всё понятно. Я с облегчением выдохнула:

— Ладно. Приходите, конечно. Посидим на улице, вы мне расскажете, что тут у вас происходит.

— Да ничего не происходит, — ответила Оля. — Мы сами недавно приехали. Это в школе можно было все три месяца на даче чиллить, а теперь почти весь июнь что-то сдаёшь.

Я понимающе кивнула и вытерла вспотевшие ладони о зад.

— Тогда до вечера.

— Увидимся, — расплывшись в улыбке, Сабина отступила назад.

— Часов в семь? — уточнила Оля.

— Давай в восемь.

Закрыв за ними калитку, я прошла по брусчатой дорожке мимо дома, пересекла зелёную лужайку газона и остановилась возле пышных кустов белых спирей: место, откуда через старую провисшую и погнувшуюся в нескольких местах рабицу хорошо просматривалась половина соседского участка. Буйство цветов, часть кирпичного дома, лужайка и большой тёмно-зелёный уличный шатёр. А чуть дальше — две новые теплицы тёти Любы, возведённые на месте разрушенного сарая. Хозяев видно не было. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь усердным жужжанием шмелей в цветках и далёким стрекочущим звуком газонокосилки.

Домашний арест, значит? Стало смешно.

Я знала Лёху с шести лет и не без злорадства представляла, каково ему выдерживать подобную экзекуцию.

Лёха — человек-энергия, человек-свобода, ему нужны люди, движение и веселье, а если этого веселья нет, то он запросто придумывает своё. Заставить его сидеть дома — всё равно что перекрыть кислород.

Забавно, как Оля сказала «твой сосед», словно он был тем, чьё имя нельзя называть. Но это оттого, что она давно влюблена в него. И Сабина тоже, только тайно, чтобы не ссориться с Олей. Здесь на даче многие девчонки влюблены в Лёху.

На бетонный столбик, поддерживающий сетку, опустилась стрекоза. Её прозрачные крылья переливались на солнце, а красно-коралловое тельце едва заметно подрагивало. Осторожно, чтобы не спугнуть, я достала телефон и уже собиралась сфотографировать, как внезапно из-за соседских кустов неподалёку послышалось громогласное:

— Ага! Попалась!

ГЛАВА 2

— Лена! Лен-ка! Я-то думаю, кто там шарится?!
Я узнала раскатистый голос дяди Вовы.

Оказывается, он заметил не меня, а развешивающую на бельёвой верёвке одеяло маму и, пробравшись к сетке между нашими участками, призывно размахивал руками.

— Любашка сразу сказала: «Не иначе как Протасовы пожаловали!»

Дядя Вова так кричал, что теперь точно вся округа узнала о нашем приезде.

— Привет! — так же криком отозвалась мама. — Как вы тут?

— Да как-как? Как всегда! Отлично! — Сосед жизнерадостно расхохотался.

Дядя Вова невысокий, довольно упитанный и темноволосый, но виски уже тронуты проседью, а в уголках рта и на щеках сеточка глубоких мимических морщин от постоянных улыбок.

— Вы на выходные или в отпуске? — спросила мама.

— Мы с Любашей наездами, а Лёшка тут живёт, балбес.

— Чего ты его так неласково?

— Да ну-у-у... — Дядя Вова поморщился. — Это я ещё мягкое слово подобрал.

— Что же он натворил в этот раз? — Закончив с одеялом, мама подошла к сетке.

— Приходите сегодня к нам на шашлыки. Посидим, поболтаем, — дядя Вова понизил голос, но говорить тихо у него всё равно не получалось: — Любаша тебе всё расскажет.

— Да неудобно как-то...

Для мамы слово «неудобно» — это просто фигура речи, форма вежливого согласия, потому что на самом деле в том, что касается общения с людьми, ей всегда и всё удобно.

— Ха! Неудобно ей. Спать на потолке неудобно, — отозвался дядя Вова в своём ключе и в этот момент заметил меня: — О! Варезка! Привет! Чего это ты тут притаилась?

— И правда, — удивилась мама. — Прячешься, что ли?

— Хотела сфотографировать стрекозу.

Дядя Вова пропустил мой ответ мимо ушей.

— Ты же слышала? Ждём вас к восьми. Мясо я сам мариновал.

— Спасибо! Но я договорилась с девочками встретиться.

— Ничего страшного. Мы допоздна сидим. Освободишься — приходи.

— Не хочу вам мешать обсуждать взрослые дела, — отшутилась я в надежде соскочить, но мама посмотрела так, словно это приглашение — обязательство:

— Ты не помешаешь.

Июльские вечера пахнут розами, рассеянным дымом, садовыми ягодами, нагретой землёй и досками, ну и, конечно же, соседским шашлыком. В воздухе ещё томится дневная жара, но дышится уже легко и с упоением. Растянувшись на деревянной лавочке, я смотрела на голубовато-сиреневые облака и представляла, как утопаю в их ватной нежности. Сердце невольно ёкнуло. Что-то в нём разбередилось и трепетало, как лепестки белых цветов на едва уловимом ветру. В Москве такого не почувствуешь. На пляжах Турции или Испании тоже. Я испытывала такое состояние только здесь, на

даче, наверное, под влиянием хороших детских воспоминаний, но это не точно.

С участка дяди Вовы доносились громкие голоса, смех и музыка. Соседи накрыли стол в шатре и уже всю веселились. Мама ушла к ним, прихватив бутылку шампанского, а я, как и договорилась, осталась дожидаться Олю с Сабиной. И до сообщения, неожиданно пришедшего от моей школьной подруги Галки, мир казался идеально благополучным.

«Привет, — написала она. — Гена узнал, что ты уехала, и взбесился. Я сказала, что понятия не имею, где ты. Но он не поверил. Лучше не появляйся в соцсетях и не выкладывай фотки».

«Привет, — ответила я. — Спасибо, что предупредила. Думаешь, он станет меня искать?»

«Специально не станет, но если вдруг поймёт, что может достать тебя, то тут предсказать сложно. Ты же его знаешь».

«Угу. Знаю. Спасибо ещё раз. Попозже напишу».

У калитки звякнул колокольчик, и я отложила телефон.

— Ну ты даёшь! — Узнав, что я предпочла встречу с ними походу к соседям, Оля взбудоражилась не на шутку. — Ну вообще! И почему я не ты?

Я пригласила их за столик на большой кухонной веранде, где мы обычно ели, но Оля осталась стоять на лестенке возле перил, пристально вглядываясь в зелень, закрывающую от нас соседский участок.

— Они все в шатре. Не думаю, что сегодня у тебя есть шанс его увидеть, — беспокойство Оли забавляло. — Давайте лучше чайник поставлю?

— Может, его просто сюда позвать? — предложила Сабина. — Думаешь, родители не пустят?